

Пудов Алексей Григорьевич

**КОДИРОВАНИЕ ТРАНЗИТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ
СИНТЕТИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА СОЗНАНИЯ: ВОПРОСЫ ЭТНОМОДЕРНИЗАЦИИ**

В статье автор выявляет условия успешной социальной модернизации для этнических культур. В основе завершённой модернизации этнокультуры лежит трансформация социальной реальности. Последняя фундируется сменой мифологического символизма метафизическим. Успех смены традиционной, мифически концептуализированной социальной реальности обеспечен синтезом и трансмиграцией символов этнической культуры. Видоизменённые символы этнокультуры должны быть внедрены в современные культурные формы, понятные этносу и адекватные современным смыслам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 152-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Арсеньев А. С.** Философские основания понимания личности: цикл популярных лекций-очерков с приложениями: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 592 с.
2. **Артемова О. В.** Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // Этическая мысль / Институт философии Российской академии наук. 2000. Вып. 1. С. 195-212.
3. **Бердяев Н. А.** О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. 110 с.
4. **Бехтерев В. М.** Объективная психология. М.: Наука, 1991. 480 с.
5. **Волков В. Н.** Онтология личности. Иваново: Ивановский государственный университет, 2001. 378 с.
6. **Кайдалов В. А.** О философско-антропологическом обосновании педагогической теории // Человеческое в человеке: фундаментальные категории современного образования: сборник статей межрегиональной научной конференции «Философия модернизации российского образования» (16-17 апреля 2003 г.). Пермь: ПОИПКРО, 2004. 84 с.
7. **Маркс К., Энгельс Ф.** К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955-1981. Т. 12. С. 709-738.
8. **Носов Н. А.** Виртуальный человек: очерки по виртуальной психологии детства. М.: Магистр, 1997. 192 с.
9. **Парсонс Т.** Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
10. **Попкова Т. Д.** Методология исследования детской субкультуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород, 2011. Выпуск 17. Философия. Социология. Право. № 14 (109). С. 195-201.
11. **Рубинштейн С. Л.** Проблемы общей психологии. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1976. 459 с.
12. **Хайдеггер М.** Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
13. **Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление / сост., вступ. ст., примеч. Б. К. Чанышева; пер. Ю. И. Айхенвальд; под ред. Ю. Н. Попова. М.: Московский клуб, 1992. 395 с.
14. **Юнг К.-Г.** Конфликты детской души. М.: Педагогика, 1995. 274 с.
15. **Gilligan C.** In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. New Jersey: Gale Group, 1993.

CHILDHOOD WORLD AS SOCIAL SYSTEM

Tat'yana Dmitrievna Popkova, Ph. D. in Philosophy
Department of Social Work
National Research University "Perm' State University"
tatyana3@mail.ru

The author discusses the problem of Childhood World place determination in social system, considers a child's interrelations and dialogical relations with the world, and shows that Childhood World separation into an independent system allows revealing its basic characteristics as an independent and equivalent one in a number of other socium systems.

Key words and phrases: childhood; Childhood World; man in the world; child; child's existence; social system; structural elements.

УДК 165.212:572.9

В статье автор выявляет условия успешной социальной модернизации для этнических культур. В основе завершённой модернизации этнокультуры лежит трансформация социальной реальности. Последняя фундируется сменой мифологического символизма метафизическим. Успех смены традиционной, мифически концептуализированной социальной реальности обеспечен синтезом и трансмиграцией символов этнической культуры. Видоизменённые символы этнокультуры должны быть внедрены в современные культурные формы, понятные этносу и адекватные современным смыслам.

Ключевые слова и фразы: социальная реальность; кодирование; символ; символизация; синтез; трансмиграция; онтологизация; модернизация; этномодернизация.

Алексей Григорьевич Пудов, к. филос. н.
Кафедра философии, истории и социально-экономических наук
Якутская государственная сельскохозяйственная академия
agro_on_line@mail.ru

**КОДИРОВАНИЕ ТРАНЗИТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ
СИНТЕТИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА СОЗНАНИЯ: ВОПРОСЫ ЭТНОМОДЕРНИЗАЦИИ©**

Саморазвитие этнических культур неразрывно связано с новой волной промышленных преобразований российских регионов. Модернизационный вызов брошен извне культурной сферы этноса. Смогут ли этносы адекватно ответить данным социально-экономическим преобразованиям? Удастся ли им вполне осознанно не совершать ошибки модернизировавшихся наций и культур, мифологические конструкторы сознания

которых сыграли с ними злую шутку? Так, японцам не удалось реализовать традицию поиска новых форм социальных отношений, в их культуре не нашлось по-новому мыслящего социального слоя, на своих плечах вынесшего бы ростки гражданского полиса.

Народам Евразии приходится сполна платить за незавершенную модернизацию. Исчезают родные языки, забыты смыслы обычаев и традиций предков, многое уже безвозвратно утрачено. Выкорчевывание национальных традиций, принудительная ассимиляция в угоду политическим декларациям усугубили ситуацию по саморазвитию этнических культур. Оно замерло и впоследствии выплеснулось националистическим нарывом. Прогноз на будущее вырисовывает для таких культур незавидную участь ассимиляции и нивелировки. При этом могут быть утрачены культурные особенности, которые способны обогатить цивилизацию новыми ценностными решениями.

По мнению некоторых современных исследователей российской модернизации, существующая трудность ее реализации продиктована слабостью социальной базы, не позволяющей стране использовать уже выработанную неомодернистскую или постмодернистскую стратегию. В. Г. Федотова считает: «...страна ставит перед собой сегодня следующие задачи – завершить модернизацию, войти в технотронный век, построить гражданское общество, сделать государство правовым. Социальная база таких преобразований в России не велика...» [11]. Слабость социальной базы аргументируется автором следующим образом: «...превосходный замысел бывает непонятным населению, порой живущему сейчас как столетия или даже тысячелетия назад, либо населению, претерпевшему тяготы незавершенной модернизации и не желающему испытывать их вновь на пути трансформаций. Элиты активно проводят западные идеи в жизнь, сталкиваясь с необходимостью принудить население к новому непонятному образу жизни» [Там же]. Следует обратить внимание, как указывает В. Г. Федотова, на концепцию постмодернизма, учитывающего в социальном ракурсе преобладание «локального над универсальным» и мультикультурное саморазвитие [Там же]. Интересна теория неомодернизации на этнооснове, раскрываемая совмещением «универсального и локального, всемирно-исторического и локально-исторического» [Там же]. С подобным макроязыком социальных исследований нужно согласиться, но для философского исследования этого недостаточно. Мы должны рассмотреть проблему глубже, на онтологическом уровне, в рамках идеи синтетического символизма сознания, составляющего основу преобразования социальной реальности.

Проблеме социальной реальности сегодня посвящено много работ, и это вскрывает предметную проблемность термина, испытывающего на рубеже локальных и глобальных трансформаций от культуры модерна к постмодерну свой качественный дрейф. Не только изменение содержания социальной реальности, но и ее исчезновение были зафиксированы постмодернистами, в частности Ж. Бодрийяром [2, с. 115-116]. Несмотря на это, продуктивнее рассматривать качество социальной реальности по отношению к социальному бытию, а не наличию содержания определенных социальных взаимодействий. Ибо содержание и топос социального взаимодействия могут не совпадать. Данная закономерность проявлена в ситуации, когда прививаемые социальные институты гражданского и демократического устройства, заимствованные на Западе, не приводят на практике российской действительности к адекватным результатам. Первичность определенного качества социального бытия, а не социального института, есть главный фактор успешности предпринятого конструирования социальной реальности.

Дадим определение социальной реальности, используя идеи, изложенные в работе М. К. Мамардашвили [7]: социальная реальность – это то, что на уровне бытия завязывается в общении, она есть истина о нас самих, дарующая определенные культурные возможности. В этом смысле социальная реальность познаваема и имеет смысл. Желания, психологические пристрастия, идеологические надстройки не изменяют суть социальной реальности. Они способны на выстраивание внешних атрибутов социальности: структур и действий. В нашей трактовке имеют важное значение два качественных типа социальной реальности, независимо от их содержательной институциональной основы: мифологически концептуализированная и метафизически концептуализированная. Существует возможность наблюдать в современном сообществе наличие обоих типов реальности. В связи с этим, проблему изменения социальной реальности нужно рассматривать в аспекте нахождения форм социального взаимодействия, развязывающего потенциал мифологического или метафизического символизма. Социальная реальность, таким образом, фундируется наличием использованного мифологического либо метафизического символизма, вложенного в культурные формы социального взаимодействия.

Изначально символ несет основной потенциал формообразования культуры. Необходимо отметить, что в настоящий момент современные культурные формы не позволяют реализовать потенциал этнического символизма. Как следствие, происходит утрата этнической культуры: языка, традиций и ритуалов. В нынешних социальных размерностях, когда общество желает саморазвиваться, этносимволизм выглядит лишним, исчерпанным ресурсом, так как индуцирует мифологически концептуализированные схемы социальной реальности. Поэтому требуется производство культурных форм, основанных не только лишь на субстрате мифофункциональности этнических символов, а также на синтезе символов разной концептуальной природы и символотворчестве. Символ должен получить саморазвитие в новых формах культуры. Если это мифологически структурированный этнический символ, то существует возможность его синтетического сплава с символом метафизического типа кодирования. Можно вложить в него новые смыслы с метафизической схемой концептуализации. Последние должны быть реализованы в формах культуры, адекватных историческому времени, ее традициям и коммуникативным особенностям эпохи.

Теоретико-методологические разработки последних лет определяют конструктивными элементами современной социальной реальности знаки, метафоры и симулякры [4; 12]. С этим можно согласиться, сделав соответствующие выводы о качестве данной социальной реальности по отношению к бытию. Если за символами стоит бытие, то за знаками и симулякрами его нет, так как последние являются конечным продуктом десимволизации (читай – деонтологизации) символов. Социальная реальность здесь вырождается в виртуальную реальность с характерным «брендовым» способом организации «ценностно-смыслового содержания массовой культуры» [4, с. 134–135], высокой степенью манипулятивного сознания. Отстаивая гуманистические позиции, мы должны говорить о наличии феномена сознания и осмысленного существования человека. Мы не должны забывать о символическом начале организации социальной реальности, конструктивным элементом которой становятся символы сознания.

Однако нужно констатировать, что утрата культурных возможностей существует для сообществ с любой транзитивной реальностью, а не только для сообществ с незавершенной модернизацией. Исследователи рассматривают постмодернизацию как виток модернизации на основе локальной культуры, без болезненных процессов смены идентичности на западную. История, как отмечает Юрген Хабермас, «процесс, открытый всем влияниям, а, следовательно, не имеющий и не могущий иметь законченной телеологической направленности. Вместо устремленности к цели возникает состояние, в частности, и переживания своей несверренности, и трудностей жизни в ней» [10]. Заметим, что здесь скрываются истоки контрмодернизации, то есть возврата к традиции. Происходит неизбежный возврат к «слабой форме» удержания символических констант сознания. А. И. Гусейнов пишет: «право в индустриальных обществах, развиваясь и достигнув высшей степени развития, сегодня исчерпывает возможности дальнейшего роста или, как утверждают некоторые западные авторы, близится к упадку. Вера в мудрые законы утрачивается... Если право, в целом, в индустриальном обществе отрицало традиционные нормы, то постиндустриальное общество противостоит индустриальному праву, т.к. предпринимает попытку реабилитации традиций и придания им действенных характеристик» [3, с. 17]. Ничего не остается, как осуществить возврат к традиции мифологического кодирования-интерпретации, что порой чревато возвращением варварского.

Исследователи трансформирующихся социальных систем всегда затруднялись в придании конкретной формы сочетанию универсального и локального. Одно из абстрактных решений было предложено К. Апелем [1, с. 90] и касается культивирования национальных традиций как уважения к индивидуальным правам человека. Однако автором же проводится мысль об ограничении локальных тенденций по принципу невозможности повредить человечеству в целом: должен оставаться нормативный приоритет этики справедливости (для всех) над этноэтикой блага (для нас – локальных групп и сообществ) [11]. Все это, по словам В. Г. Федотовой, сводится к «классической универсализации после постмодернистской локализации» [Там же].

Еще раз убеждаемся в отсутствии проработки проблемы на уровне онтологических структур в анализе возможности культуры модернизироваться. Здесь необходимо заметить, что дискурс о модернизации является ничем иным как вариацией идеологических надстроек, обслуживающих конкретный интерес. Последнему нет необходимости выходить на метафизическое разворачивание проблемы. Этот вариант трансформации социальной реальности стал идеологическим инструментом оправдания западной модели развития. Кроме того, целый пласт европейской традиции модернизации является не до конца отрефлексированным желанием воссоединения с «утраченным раем» истоков европейской культуры. Это чувство потери живительного логоса и метафизической колыбели героического стояния человека в мире, полного хаоса и дисгармонии. Чувство утраты европейцу трудно перенести на себя, поэтому оно идеологическими смещениями «уходит вбок» и находит содержательный ответ в культурах немодернизированных этносов.

Итак, разговор о модернизации является не до конца отрефлексированным состоянием утраты и ослабления усилия стояния человека в мире хаоса. В связи с этим, важный «телеологический» этап модернизации – это приобщение локальной культуры, ее символических конструктов (символов архаических этнических мифов) к символическому метафизической культуры.

На волне утраты организующего начала символических напряжений возникает желание перенесения в немодернизированную инокультуру того, что уже не имеешь, но что испытал. Этносы с незавершенной модернизацией, если их «зрение» не позволяет видеть и испытывать бытие, могут остаться равнодушны и глухи к европейским культурным достижениям. Поэтому должно быть не искусственное перенесение ценностей и норм европейских культурных завоеваний в виде знания, а налаживание в этнокультуре возможностей принятия новых способов утилизации универсальных символов. Эти способы утилизации символов подразумевают понимание различия в способах кодирования и интерпретации символов разной природы, налаживание мостков между мифологическими символами этнокультуры и символами метафизической культуры. Наиболее эффективным способом может являться выстраивание культурных форм, в которые включены ценности европейского логоса и локальной культуры.

Один раз соприкоснувшись и приобщившись к метафизическому символизму, этнос осуществляет перестройку основ собственной культуры и духовной жизни. Пример с культурой языческой Руси, приобщившейся к христианству, – историческая иллюстрация данной закономерности. Глубинные реорганизующие начала со временем начинают приобщать к новым смысловым и ценностным константам широкие социальные слои, агентами внедрения которых на начальном этапе становятся представители искусства, осуществляющие поиск слабых и неявных возможностей приобщиться к новым культурным формам и идеям.

Возврат к вторичному этническому символизму (о вторичном символе см. работу М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского [8]) – явление в какой-то мере вынужденное, обусловленное утратой этнокультурной идентичности, искажением традиционных нравственных устоев, унификацией культуры на фоне глобализации. Здесь возникает однонаправленное движение ко всему локальному, подмененному идеологически выстроенными псевдосимволами, с невниманием к проблеме непроработанности в сознании метафизического символа. Жизнь сознания в таком случае обречена на деградацию. Мы утрачиваем в таком процессе не столько незавоеванный европейский логос, сколько этническое, так как механизмы, ответственные за понимание, едины и определены символической жизнью сознания.

Вне сомнения, что в основе любых трансформаций социальной реальности, а не просто социальной модели и ее структуры, лежит метафизика. Она суть основа и условие для любых социальных, политических, экономических преобразований в обществе. Без этого условия модернизационные преобразования со временем вырождаются, исчерпав социальные ресурсы. В долговременной перспективе приводят к нулевому результату – отсутствию субъекта модернизации. Вырожденную модернизацию можно назвать незавершенной. Ее субъект, используя и исчерпав идеологические ресурсы, проваливается в системный кризис духовных, мировоззренческих оснований. Внешнее осовременивание приносит новые проблемы, отрицающие наличие человека как онтологического явления.

В принципе и сегодня модернизация, индуцированная внешними факторами, не закончена. Можно привести пример Японии. Модернизационные преобразования Японии можно рассмотреть как процесс переноса цивилизации из Китая, Европы и, в XX веке, из Америки [9]. Важнейшую роль переноса сыграли переводы с европейских языков и денежная система фунтов стерлингов. Европейскую культуру автор делит на два типа. Первая обогатила культуру Японии, вторая – ее изменила. Под первой подразумевается европейское изобразительное искусство, литература, музыка, архитектура, мода и «стиль жизни». Под второй – система ценностей, религия, современный рационализм, политические, экономические, социальные системы, наука, технологии. Перенос второго типа культуры осуществляет «перенос цивилизации». За мыслями японского исследователя лежит эксплицитная проблема сопряжений символов разной когнитивной природы и их функционирования. Так, прозрачен для понимания факт обогащения японской культуры европейским искусством, смыслом которого являются символотворчество и возможность принятия его в свой культурный багаж. Ведь искусство производит символы в своей неповторимости и единственности. Обогатиться здесь – это значит выйти на уровень понимания инокультурного символа в искусстве как формы, состояния и структуры сознания. Освоение последнего происходит через понимание символа и, таким образом, принятие как своего, органически вошедшего в культурный обиход. Художник может распоряжаться им: изменять, трансформировать, порождать из него новый. Искусство, производящее фиктивные формы, позволяет осуществлять реанимацию бытия этнопсевдосимволов, создавая возможности для пролонгирования их живого участия в нашей современной социальной реальности.

То, что изменило японскую культуру – это неосвоенный как понимание символ. Это знак, знание, безотносительно к сознанию. Последнее легко переходит в составной элемент культуры: норму, идеологему, культурный шаблон, принятый социальный автоматизм, который лежит на поверхности культуры и играет важную роль в ее функционировании с минимальной затратой ментальной энергии.

Существует ряд проблем, имеющих фундаментальный характер. Это несогласованность желаний и средств их достижения. Желание обретения полноты бытия через определенные формы гражданского общества и неразвитость «мускулов» для осуществления данных форм на практике. Не хватает сил и способностей вынести тяжесть разрывающих человека с «кентаврическим сознанием» разнонаправленных устремлений. С одной стороны, хочется довести формы до выявления их смысла, обрести полноту бытия, состояться. Таковым для японцев было пассионарное желание обретения жизненного смысла в новых формах государственного устройства Маньчжоу-го, ставшего утопией, потому как ему была противопоставлена мощнейшая инерция мифологического сознания, не способного на выявление смысла форм, в усилиях претворить ее в жизнь на практике. Практика завершалась самодурством конкретных людей, руками которых и устанавливался смысл социальной реальности. Поэтому надеяться на установление желаемого порядка, если нет подготовленных агентов, новых форм, нельзя. Молодые японцы, желавшие обрести «край обетованный» в 30-е гг. XX столетия, споткнулись именно на этом.

Сегодня мы продолжаем спотыкаться на том же. Истина творится конкретными действиями, конкретными руками. Нельзя сбрасывать это со счетов. По всей видимости, глубинные преобразования, далекие от поверхностных практик, подобных демократизации и либерализации японской общественной системы в период после II Мировой войны, начинаются сегодня. Основным носителем этих преобразований будет молодое поколение, прошедшее практику «открытого общества». Учет гражданских практик открытого общества и живое усилие символотворчества возможно породят качественно новую культуру, свободную от диктата традиционных устоев в менталитете. Задача не из легких. Главным и решающим фактором ее решения будет являться система привития символических конструкторов, ответственных за национально-этническое символотворчество. Другими словами, это творческое саморазвитие культурных наработок традиционного общества и перенятие символических конструкторов других национальных культур, касательно гражданских и демократических ценностей в их истинном, а не идеолого-нормативном начале.

Как суметь выдержать баланс и не поддаться инерции мифологизирования действительности? Как удержать живое усилие не только в искусстве, а в практике общественных отношений – экономике, политике, гражданских институтах?

В изменившихся социальных условиях жизнедеятельности этноса путь к востребованности этнических символов почти закрыт. Возможно, единственным способом может стать аккумуляция этносимволизма в искусстве, обыгрывание и практика постепенного включения элементов жанров современного искусства в современную жизнедеятельность. Искусство как деятельность, опережающая социальную реальность, на первом этапе может предоставить широкие возможности синтеза ценностей разных культур, трансмиграцию символов разной когнитивной природы. Следующим шагом должно стать сопряжение синтеза символов разной природы, включенных в институты гражданского общества и демократической традиции.

Отказываясь от этнического символизма, который выстроен на мифологическом способе кодирования, общество утрачивает задаваемые опосредованно онтологические условия внутренней нравственности. Этносу попросту не на что опереться. Блокируется выход человека на уровень глубинных духовных ценностей. Это произошло в современной Японии. Мы наблюдаем глубокую духовную депрессию японцев, сопровождаемую суицидом среди среднего и молодого поколения, где массово произошло вымывание этнических ценностей. Разрушена символическая жизнь «этносознания», а взамен ничего не предложено, кроме внешних жестких атрибутов и норм социального поведения. Возникает опасность заполнить духовный вакуум национализмом. Но существует другой способ. Синтетический символизм позволяет оставить в целостности этнический символизм и за счет трансмиграции символов разной природы осуществить на метафизическом уровне переходы к универсальным символическим смыслам, осуществить сопряжение и перенос методов кодирования и интерпретации символических конструктов.

Если считать вторичный символический спектр сознания культур этноса способом локальной (в силу психики и этнического менталитета) переработки первичного (метафизического априори) символизма, то трансмиграция символов представляется обратным движением по возможному восстановлению ускользающих состояний и структур сознания, когда-то стоявших за нынешними вторичными этническими символами. Мы имеем возможность попытаться восстановить первичные структуры сознания, переработанные этносом в процессе своего этногенеза (уникальной идеологической интерпретации), или найти новые метафизические смыслы, необходимые для выстраивания новой социальной реальности гражданских институций. Можно констатировать, что японцам и российским этносам не обойтись без онтологической трансформации социальной реальности, внутри которой решается задача синтетического символотворчества.

В политическом дискурсе наших дней все чаще слышится мнение, что в России упущен шанс развязать широкую традицию гражданской жизни. Сегодня вместо сказки-мифа, которая когда-то эффективно (до момента тотальной демифологизации) выполняла мобилизующую функцию, ничего не преподносится. Старые способы, использующие мифологический способ интерпретации символических констант, перестали эффективно работать. Но вместе с тем, это лишь факт компаративной рефлексии общественного сознания над предлагаемыми идеологическими формами. За ментальным фактом уязвленности мифологического способа интерпретации должно следовать усилие держания форм. Этого не происходит. По закону инерции идет срыв к усложненной и запутанной мифологической форме. Общество все больше погружается в состояние «опьяненного и вывихнутого» сознания. Не хватает импульса, чтобы начать мыслить, отказавшись от самого себя, от иллюзорных надежд и ожиданий, который был упущен на волне демократических реформ. Находясь в подобном состоянии вязкого и непрозрачного сознания, локальные этнические сообщества не видят ничего лучше, чем обратиться к вторичному символизму национальной культуры.

Для этносов новая социальная реальность есть превращение этнокультурного поведения в культурный капитал, что скрывает: а) знание и понимание ценностей родной культуры; б) необходимость выявления и нахождения современных форм, использующих эти ценности, со способностью жесткого их удержания. Эти формы, требуя своего удержания, должны быть понятны этническому сообществу; в) развитие взаимодействия, партнерства и конкуренции через указанные формы. Последнее и есть процесс формирования культурного капитала. Этнокультурная трансформация социальной реальности предстает как путь от «обычая к закону», что означает научение удержанию формальности, внутреннему усилию держания формы закона.

Сегодня, касательно пунктов (а) и (б), мы можем наблюдать интенсивный процесс кодификации традиционных этнических знаний (экология, медицина, промыслы, декоративно-прикладное искусство и т.п.), которые органично связаны с имплицитными в них ценностями. Превращение этнических ценностей в знание идет в форме специальных программ во многих этнических культурах зарубежных стран (саамов Норвегии, эскимосов, индейцев США и Канады, индийских этносов) [13-16].

Правовой нигилизм должен разрешаться через понятные этносу механизмы, в которых закреплены их ценности, внедренные в право. Этносы должны увидеть и почувствовать силу правового формализма – важного этапа приобщения к универсальным символическим конструктам. Это один из действенных способов установления синтетического символизма, когда этнические ценности находят свое современное продолжение в правовом регулировании.

Этнические символы – это маяки-знаки мифологического пространства культуры этноса, который раскрывается принципом буквальности и наглядной содержательности. Универсальные символы не имеют прямого предмета, «то есть предметное множество для них... пусто» [5, с. 177]. При этом, если этносимволы и указывают на что-то отвлеченное, то оно искажено их содержанием. Трансформация данного символического

пространства – переход к универсальным символам, несущим отвлеченный от своей содержательности смысл, способность видеть этот отвлеченный смысл, выявлять цельную множественность интерпретаций, апеллирующих к трансцендентному, то есть экранирующему психологическое. Новая социальная реальность для этносов, таким образом, предстает «введением в понимание» принципа отвлеченности, отсутствия буквальности в интерпретации содержательности метафизического символа.

Вопрос стоит о саморазвитии этноса, а не тривиального приобщения его к технологиям и промышленному производству. Приобщение к указанному даст, в лучшем случае, привычную незаконченную неорганичную модернизацию, без изменения социальной реальности. Этномодернизация по своей внутренней метафизической сути, – это заступ за пределы мифологического круга. Самоизоляция от метафизического символизма подобна формированию «духовной резервации». Это отсутствие саморазвития, это путь к десимволизации того, что было выработано локально в эпоху традиционного общества.

Проиллюстрируем сказанное. Коренные северяне не приняли глубоко христианство по тем же самым причинам, по каким и сегодня не могут понять отвлеченных символических состояний: философских истин, гражданских институтов. Не терпится им все мифологизировать, увидеть в наглядных картинках-представлениях, адекватных этнической психоментальности.

Если не можем найти в языческом символизме онтологического сопряжения с тем, что было, значит, не было или еще не состоялось соединение. Единственный выход – это формы, сопрягающие в себе разнородный символический спектр. В них представлен мифологический вторичный и метафизический первичный символы. В этих формах этносу нужно научиться жить. Данные формы должны быть составлены из набора символических констант. Эти константы могут быть как синтетическими, то есть составленными из других культурных традиций, так и аналитично выведенными из традиционных этнических символов, организующих уже новые смыслы. Таким образом, заключенная в форме символическая разнородность позволяет конгруировать символам разной природы, с другой стороны, это повлечет трансмиграцию символических спектров разной интерпретационной природы. Нужно развязать новый артикулированный язык. А «поход» к эпическим сказаниям прошлого – это хватание за старое, где многое уже непонятно. В мифических символах нет сцепления с новым, нет выдерживания паузы преодоления природных оснований. Все заканчивается на наглядном референте.

Символизация сознания возникает всякий раз, когда человек поступает свободно. Продуцируемые формы в связи с этим должны подразумевать заполнение данной формы свободным усилием. Так, М. К. Мамардашвили напоминал, что действие по долгу не содержит в себе никаких объясняющих ссылок, а содержит только форму, на которую мы ориентируемся [6]. Сегодня нам нужно собирать формы-органы, которые, наполняя нас психологической содержательностью и усиливая чувствительность, по инерции выбрасывают на трансцендентный уровень понимания или знания символических вещей этнического сознания. Ведь то, что не наблюдается органами чувств, может стать зримым через форму символа [Там же]. Владая мифологическим и метафизическим способами интерпретации символов, нужно развязать новую традицию форм, блокирующую архаичный способ кодирования-интерпретации. Старый этнический символ должен зажечь новым метафизическим смыслом.

Новая социальная реальность должна сосредоточиться на символотворчестве, сплаве и синтезе символов сознания как этнических, так и гражданско-правовых. Задача эта достаточно сложная, но это не должно пугать. Есть одно важное свойство символов сознания. Если практиковать использование символов, то, как указывают в своей работе М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский [8, с. 151], «символ – это вещь, обладающая способностью индуцировать состояние сознания, через которое психика индивида включается в определенные содержания (структуры) сознания» [Там же, с. 151-152].

Практическая задача заключается в том, чтобы современные деятели культуры находили свои новые способы воспроизведения символов в их неповторимости. Это явление нам бы хотелось назвать продуцированием неповторимого стиля этноса, продуктивного механизма его жизни. Этот стиль должен явиться в искусстве, науке, технике и быту. Нужны агенты символического сознания, чтобы осуществить завершённую модернизацию за счет выявления новой социальной реальности.

Ситуация может измениться. Перед национальными культурами стоит задача по ренессансу и символическому синтезу своих духовных оснований. Представители многих национальных культур пришли к мнению, что модернизация по западным образцам, стимулирующая экономическую эффективность, способна разрушить лучшие качества наций. В связи с этим, предлагаемая концепция символической онтологизации сознания, положенная в основание формирования новой социальной реальности, является одним из вариантов осовременивания этносов с незавершённой модернизацией.

Список литературы

1. **Апель К.-О.** Этноэтика и универсалистская микроэтика: противоречие или дополнительность // Политическая мысль. Киев, 1994. № 4.
2. **Васильев А. Г.** Кому у кого учиться выводу из кризиса, или «Мама, мы уже приехали!» // Социология и культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: материалы междунар. науч. конф. (1–3 апреля 2010 г., Белые Столбы) / М–во культуры РФ; Рос. ин-т культурологи и др.; отв. ред. Н. А. Кочеляева, К. Э. Разлогов. М.: Известия, 2010. 240 с.
3. **Гусейнов А. И.** Право как феномен культуры: дисс. ... докт. юр. наук. М., 2007. 410 с.
4. **Демченко В. И.** Метафора и симулякр как средства конструирования культурной реальности современного общества: дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. 160 с.
5. **Мамардашвили М. К.** Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. 320 с.

6. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995. 547 с.
7. Мамардашвили М. К. Социальная физика // Мамардашвили М. К. Необходимость себя: лекции, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996.
8. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символические и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 216 с.
9. Мняхара К. Перенос цивилизации: его принципы, механизм и результаты [Электронный ресурс]. URL: http://ihtik.lib.ru/philosarticles_21dec2006/philosarticles_21dec2006_4636.rar (дата обращения: 01.11.2010).
10. Социальные знания и социальные изменения [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000913/st000.shtml> (дата обращения: 14.11.2010).
11. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы [Электронный ресурс] // Philosophy.ru: философский портал. URL: http://www.philosophy.ru/iphras/library/fedot_mod.html (дата обращения: 30.10.2010).
12. Цыганков В. В. Знаковость социальной реальности: дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2010. 198 с.
13. Hansen S., Van Fleet J. Traditional Knowledge and Intellectual Property: a Handbook on Issues and Options for Traditional Knowledge Holders in Protecting Their Intellectual Property and Maintaining Biological Diversity [Электронный ресурс] / American Association for the Advancement of Science. URL: <http://shr.aaas.org/tek/handbook/handbook.pdf> (дата обращения: 18.11.2010).
14. Hobson G. Traditional Knowledge Is Science [Электронный ресурс] // Canadian Arctic Research Committee. URL: <http://www.carc.org/pubs/v20no1/science.htm> (дата обращения: 18.11.2010).
15. Indian Journal of Traditional Knowledge [Электронный ресурс] / The Council of Scientific & Industrial Research. URL: <http://www.niscair.res.in/sciencecommunication/ResearchJournals/rejour/ijtk/ijtk0.asp> (дата обращения: 18.11.2010).
16. What Is Traditional Knowledge? [Электронный ресурс] / Alaska Native Science Commission. URL: http://www.nativescience.org/html/traditional_knowledge.html (дата обращения: 18.11.2010).

TRANSITIVE SOCIAL REALITY CODING BASED ON CONSCIOUSNESS SYNTHETIC SYMBOLISM: QUESTIONS OF ETHNO-MODERNIZATION

Aleksei Grigor'evich Pudov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy, History and Social-Economic Sciences
Yakutsk State Agricultural Academy
agro_on_line@mail.ru

The author reveals the conditions for the successful social modernization of ethnic cultures. The basis of complete ethnic culture modernization is social reality transformation. The latter is funded by the change of mythological symbolism by a metaphysical one. The success of traditional, mythically conceptualized social reality change is provided by the synthesis and transmigration of ethnic culture symbols. The modified symbols of ethnic culture must be embedded in modern cultural forms that are understandable for ethnicity and adequate to modern senses.

Key words and phrases: social reality; coding; symbol; symbolization; synthesis; transmigration; ontologization; modernization; ethno-modernization.

УДК 7.072

Статья посвящена анализу художественного стиля выдающегося мастера топографического пейзажа Новой Англии - Т. Дейвиса (1737-1812). Особенности творческой манеры художника рассмотрены на примере изображений канадских водопадов, представляющих поздний период его творчества.

Ключевые слова и фразы: топографический пейзаж; североамериканская тематика; самобытность; уединенность; наивное искусство.

Вета Владимировна Разуваева

Кафедра зарубежного искусства

Санкт-Петербургский государственный академический институт

живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина

tanikas@yandex.ru

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ВОДОПАДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Т. ДЕЙВИСА (1737-1812) ©

Североамериканские водопады неоднократно становились источником вдохновения для мастеров топографического пейзажа, работавших в Новой Англии. Грандиозные в своем природном величии, водопады покоряли европейских поселенцев и посетителей Нового Света своим естественным масштабом и зрелищностью.

Водопады составили одну из самобытных художественных тем, которая была относительно новой в изобразительном искусстве Британии конца 18 - начала 19-го века и обязана активному географическому освоению Северной Америки. Многочисленные альбомы, посвященные данному природному явлению, а особенно Ниагарскому водопаду, активно издаваемые в Англии, пользовались необыкновенной популярностью в Европе, определяя по-своему туристические путешествия в Канаду.